

О ПОНЯТИИ TILVÆRELSE в философии Киркегора*

Прошлогодний (февраль 1999) международный семинар в Копенгагене, посвященный проблемам перевода наследия Киркегора, проходил под знаком дилеммы, выразительнее всего звучащей на английском языке — “literal or literary translation”. Однако сама программа семинара и характер обсуждений определили рамки применимости этой дилеммы, которая оказалась эффективной исключительно в стратегическом смысле, задавая два возможных принципиальных (т. е. “вообще”) подхода к переводу сочинений Киркегора. На ту часть семинара, которая была посвящена специальному обсуждению проблем, связанных с переводом терминов Киркегора, указанная дилемма уже не распространялась. Не в последнюю очередь это связано также и с тем обстоятельством, что не так редки ситуации в переводческой практике — и в частности, ситуации с понятием *Tilværelse*, — когда для переводимого понятия в родном языке не находится прямого эквивалента. Очевидно, что в подобных случаях от переводчика требуется найти более или менее адекватный термин (или выражение, обременяющее статус термина), а не более или менее удачное литературное выражение. Хорошо известны экстремальные ситуации, когда при переводе философских текстов тот или иной термин предпочитали оставлять непеведенным, вынужденно (и бессильно?) имплантируя в родной язык это “Ding an sich”.

Подобное напряжение возникает и вокруг понятия *Tilværelse* (а также его глагольных форм) в философии Киркегора. В данной статье я хотела бы указать, во-первых, на те трудности, с которыми в принципе сопряжен перевод этого понятия независимо от того, на какой язык осуществляется перевод, т. е. трудности, обусловленные особенностью употребления этого понятия самим Киркегором, и, во-вторых, на те трудности, которые возникают при переводе этого понятия именно на русский язык. Замечу сразу, что трудности второго рода, как правило, усугубляются изначальной неоднозначностью того, как работает это понятие у Киркегора. В этой связи я постараюсь прояснить основной смысл понятия и на основании такого прояснения рассмотреть возможные варианты его перевода на русский язык.

Семантика термина и его связь с понятием экзистенции

Датское существительное *Tilværelse* по своему значению аналогично традиционному, так сказать дохайдеггеровскому, значению понятия *Dasein* в немецком языке и так же, как его немецкий эквивалент, имеет глагольные формы, специфика которых определяется составной семантикой данного слова (инфинитив — *at være til*; например, *Jeg er til*, — в нем. соответственно *Ich bin da*). При том, что *Dasein* прямо отвечает датскому *Tilværelse* (и соответственно используется во всех немецких переводах Киркегора), надо признать, что семантически датское слово

по своей структуре не является однозначным воспроизведением немецкого. Во-первых, префикс (или предлог) “til” сам по себе переводится как “к”, отмечая прежде всего принадлежность к чему-то, и в немецком передается предлогом “zu”. Во-вторых, бытие в датском — *Væren*, тогда как *Værelse* в обиходном словоупотреблении — это комната, обиталище, место жительства. Вместе с тем эти отчасти искусственные преобразования не отменяют того факта, что подобно немецкому *Dasein* понятие *Tilværelse* является общеупотребительным словом датского языка и используется в значении существования, наличного бытия, причем не только в повседневном словоупотреблении, но и, например, в кругу датских философов-гегельянцев времен Киркегора. Использование этого термина самим Киркегором неоднозначно: Киркегор не отказывается от его традиционного значения, но и не ограничивается им. Трансформация традиционного значения понятия *Tilværelse* происходит у Киркегора в связи с проблематизацией человеческой экзистенции и оборачивается тем, что человеческое *Tilværelse* не укладывается в рамки наличного бытия.

В четвертом разделе своей книги о Киркегоре, озаглавленном *Beggriff des Existierens*, Адорно пишет: “Kierkegaards Existenzbegriff deckt nicht blosses Dasein, sondern eines, das bewegt in sich selber eines transzendenten Sinnes sich bemächtigt, der vom Dasein qualitativ verschieden sein soll” (Adorno Theodor W. *Kierkegaard. Konstruktion des Ästhetischen*. GS: B. 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1979. S. 101). Экзистирование в философии Киркегора — это отличительный способ человеческого бытия, фактическая конкретность которого выражается в понятии *Tilværelse*.

Экзистифирующий индивидуум er til или (человеческое) *Tilværelse* есть *экзистифуя* — таково полное понятийное описание человеческого бытия у Киркегора. Именно взаимодействие и взаимопрояснение понятий экзистенции (*Existents*) и *Tilværelse* с целью определения специфики человеческого бытия приводит к тому, что понятие *Tilværelse* упрощается в философии Киркегора в новом значении, отличном от “blosses Dasein”, значении, фиксирующем экзистенциальную действительность отдельного человека.

Неоднозначность и ведущее значение термина

Как уже отмечалось, в русском языке, в отличие, например, от немецкого, нет прямого, буквального перевода для понятия *Tilværelse*. Обратимся к уже существующему варианту перевода на русский язык: Н. В. и С. А. Исаевы переводят данное понятие как “наличное бытие” и в комментариях к работе *Понятие страха* пишут: “*Tilværelse* — «наличное бытие», «наличное существование» — в отличие от «существования» вообще (*Ekstists*); обозначает видимое, наблюдаемое, данное существование в феноменальном мире. *Tilværelse* прямо соответствует немецкому *Dasein*” (Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М., 1993. С. 363). Совершенно очевидно, что такой перевод не учитывает или игнорирует ту работу по различению смыслов понятия *Tilværelse*, которую Киркегор проводит в своем *Заключительном ненаучном послесловии к философским крохам*. С этим связано также и достаточно проблематичное противопоставление *Tilværelse* и экзистенции как “существования вообще”, поскольку именно экзистенциальное измерение *Tilværelse* отличает его от

* This work was supported by Research Support Scheme of Open Society Support Foundation, grant No.: 538/1998

голой наличности, данности. По традиции (и у Киркегора в том числе) именно последнее репрезентируется понятием *Tilværelse*, однако, ведя речь о бытии (*Tilværelse*) экзистующего индивидуума, Киркегор определяет его бытийный статус не как наличную данность, но как *становящуюся действительность*. Это значит, что предложенный (и звучащий слишком однозначно) перевод был бы приемлем только в том случае, если бы Киркегор ставил в один ряд бытие единичного индивидуума и, используя примеры самого Киркегора, бытие картофеля или розы, т. е. если бы Киркегор не проводил между ними различия по способу бытия. Об указанном бытийном ранге становящейся действительности, только на этот раз в другой оппозиции, как раз и идет речь в том фрагменте в *Понятии страха*, к которому Исаевы дают приведенный выше комментарий: “В логике же, — пишет Киркегор, — никакое движение не может становиться, ибо логика есть и все логическое просто *есть*, и такое бессилие логического есть переход логики к становлению, где как раз появляются наличное бытие (*Tilværelse*) и действительность” (там же, с. 120). Обратимся теперь к тому фрагменту из *Послеловия*, где специфика “экзистенциального” *Tilværelse* проясняется в уже обозначенной двойной оппозиции: к наличному, с одной стороны, и логическому — с другой.

Существовать (at *eksistere*) (в смысле: быть вот этим единичным человеком) — это хотя и несовершенство по сравнению с вечной жизнью идеи, но совершенство по отношению к тому, чтобы не быть вовсе. Такое промежуточное состояние и есть, приблизительно, существование, нечто, что подходит для такого срединного существа, каковым является человек. Итак, как обстоит дело с предполагаемым тождеством мышления и бытия по отношению к такого рода экзистенции, каковой является отдельный существующий (*eksisterende*) человек? Я есть добро, потому что я это мыслю? Или я добр, потому что я мыслю добро? Никким образом. Я действительно есть (*er til*), потому что я это мыслю? Защитники философского тезиса о тождестве мышления и бытия сами ведь говорили, что он не распространяется на несовершенные экзистенции; но разве же существование (*det at eksistere*) в качестве единичного человека является совершенной экзистенцией идеи? А речь ведь идет об этом. И здесь, пожалуй, все наоборот: потому что я действительно есть (*er til*) и есть мыслящий, поэтому я мыслю, что действительно есть (*er til*)... Существовать в качестве этого единичного человека — не является такой несовершенной экзистенцией, как, например, быть розой /.../. Однако же быть единичным человеком — это и нечаятая экзистенция идеи. Так существует только чистый человек, что значит — он не существует. Экзистенция — это всегда единичное, абстрактное *не существующее*... Философия объясняет: мышление и бытие суть одно, — однако же не по отношению к тому, что есть только то, что оно есть в силу своей наличности (*ved at være til*), как, например, роза, которая совершенно не имеет в себе идеи, но, следовательно, также и не по отношению к тому, где предельно ясно видно, что это такое — противоположность существования мышлению; но мышление и бытие суть одно по отношению к тому, чья экзистенция сущностно безразлична, поскольку оно настолько абстрактно, что имеет лишь мыслительную экзистенцию (*Tanke-Existent*). Однако тем самым мы прошли мимо того, о чем собственно спрашивалось: существование в качестве единичного человека. То есть существовать в качестве единичного человека — это не значит быть в том

же самом смысле, в каком есть картофель, но точно так же это не значит быть в том же смысле, в каком есть идея. (Kierkegaard S. *Afulstændig videnskabelig Efterskrift til de filosofiske Smuler // Samlede værker*. 2 udg. Guldendal. Denmark, 1962. B. 10. S. 34, 35.)

При отсутствии прямого эквивалента в русском языке понятию *Tilværelse* его перевод осложняется именно в силу того, что Киркегор использует его в различных смыслах: с одной стороны (традиционное словоупотребление), — применительно к голой наличности (т. е. к тому, “что есть только то, что оно есть в силу своей наличности (*ved at være til*)”, с другой стороны, — к отдельному экзистующему человеку. Приведенный фрагмент в концентрированной форме показывает процесс и существо размежевания значений понятия *Tilværelse* в прямой связи с определением специфики человеческого бытия у Киркегора и, значит, процесс становления нового понятия. Понятие *Tilværelse* обретает “нетрадиционный” смысл именно в контексте различения смыслов (и соответственно способов) бытия отдельного человека, с одной стороны, и розы, или картошки, — с другой. Специфический характер человеческого *Tilværelse*, как следует из фрагмента, определяется у Киркегора в промежутке между наличным бытием и совершенным бытием идеи. Именно в этом промежутке понятие *Tilværelse* обретает статус экзистенциального понятия, который многократно удостоверяется и акцентируется в работах Киркегора.

“Til” в понятии *Tilværelse*

Несмотря на то что рассматриваемое понятие ввиду своего состава — *Tilværelse* — может быть прочитано как “к-бытию”, было бы заблуждением усматривать здесь у Киркегора следы онто-онтологического различия. Однако это не значит, что тем самым теряет свою особую смысловую выпуклость это короткое “til”. Напротив, можно утверждать, что оно получает специфическую акцентировку у Киркегора, и именно в процессе прояснения экзистенциального характера *человеческого Tilværelse*. Это дает о себе знать, с одной стороны, при сопоставлении понятия *Tilværelse* с таким понятийным выражением (и одновременно центральным мотивом философии Киркегора), как “*tilbage til sig selv*” (возвращение к самому себе), и также с понятием *Tilgængelsen* (усвоение), а с другой стороны, — при противопоставлении понятия *Tilværelse* понятию *Distraction* (сосредоточения и концентрирования — рассеянности).

Здесь можно было бы вспомнить понятия участности и участного мышления в творчестве Михаила Бахтина. Эти термины по сути и ориентации, задаваемой приставкой “у”, отвечают понятию усвоения (*Tilgængelsen*) у Киркегора и опосредованно — понятию *Tilværelse*. В этой связи *Tilværelse* может быть интерпретировано как участное бытие, что коррелирует также с центральным онтологическим понятием Бахтина “событие бытия”, тоже выступающим камнем преткновения при переводе на другие языки.

Таким образом, благодаря своему *til* понятие *Tilværelse* указывает на существенно важный модус сосредоточения, характеризующий бытие экзистующего человека. Однако этим задействованием семантических преимуществ понятия *Tilværelse* у Киркегора не ограничивается. Когда

Итак, определим возможные варианты перевода:

1) *действительное бытие* или *бытие в действительности* —

при своей неадекватной оригиналу громоздкости такой перевод имеет то преимущество, что позволяет сохранить динамику (смысловую ритмику) понятия в глагольных формах:

действительное бытие (Tilværelse) отдельного индивидуума // отдельный индивидуум есть в действительности (er til);

2) *существующее бытие* —

возможность такого перевода основывается на том онтологическом противопоставлении, которое Киркегор проводит во втором из цитированных здесь фрагментов: være til и være, соответственно — Tilværelse и Vægen, чистое бытие, с одной стороны, и бытие отдельного, существующего в действительности индивидуума, с другой стороны; кроме того, следует подчеркнуть здесь взаимообеспечение таких понятийных выражений у Киркегора, как at være existerende и at være til;

3) *существование* —

преимущество такого варианта в том, что он естественным образом может использоваться в самых разных контекстах, в которых употребляется это понятие у Киркегора, однако его недостаточная семантическая выразительность начинает сказываться именно тогда, когда Киркегор проясняет специфику отдельного человеческого существования. Здесь можно напомнить также, что Existents и Tilværelse не являются у Киркегора синонимами. Человек экзистирует, т. е. обладает экзистенцией постольку, поскольку он есть, или существует, в действительности (er til), т. е. постольку, поскольку он — Tilværelse. В этом — принципиальная неудача американских переводов Говарда и Эдны Хонгов (Howard V. Hong and Edna H. Hong), которые переводят Tilværelse как Existence, т. е. точно так же, как и (собственно не нуждающееся в переводе) Existents. Иными словами, при выборе этого третьего варианта перевода все “экзистенцосодержащие” термины должны быть просто транслитерированы, а не переведены на русский язык.

Оставляя пока открытым вопрос о том, какой вариант должен быть предпочтен, рискну предположить, что, возможно, лучшим решением данной переводческой проблемы будет варьирование различных версий перевода в зависимости от контекста с указанием в скобках оригинального понятия. Замечу также, что только при таком решении в определенной ситуации оптимальным вариантом перевода может выступить также и вариант “наличное бытие”.

P.S. Было бы недоразумением рассматривать совместную публикацию статей о понятиях Tilværelse / Dasein в рубрике “Философская терминология” как указание на возможность их приравнивания. Вместе с тем такое сопоставление говорит о необходимости прояснения преемственности между философиями Киркегора и Хайдеггера, определенного генетического родства, ясно обозначенного Теодором Адорно в уже цитированной здесь работе. Совершенно справедливо замечая, что применительно к Киркегору (и в отличие от Хайдеггера) нельзя вести речь о фундаментальной онтологии, путь к которой проходит через экзистенциальную аналитику Dasein, Адорно при этом подчеркивает, что онтологический вопрос как вопрос о смысле бытия выступает прежде всего из круга экзистенциальной действительности отдельного человека (единичного) Киркегора (цит. соч., S. 99).